

Надежда Антонова

Ольга Антонова

Анна Бабина

Галина Беседина

Мария Варденга

Вероника Воронина

Елена Долгопят

Екатерина Златорунская

Екатерина Кожушаная

Ирина Крупина

Ирина Лейк

Лера Макарова

Елена Маляренко

Анна Матвеева

Анастасия Розанова

Павел Селуков

Дарья Синайская

Сергей Смирнов

Гаянэ Степанян

Валерия Темкина

Алла Терехова

Лидия Туллул

Анна Хрусталева

Саня Шавалиева

Ася Шев

Андрей Юрьев

Составитель

Екатерина Златорунская

18+

Действие первое

О ЛЮБВИ

Коллектив авторов
Екатерина Златорунская
Действие первое. О любви
Серия «Имена. Российская проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74172231

Действие первое. О любви. сборник: Издательство АЗБУКА; Москва;

2026

ISBN 978-5-389-34133-3

Аннотация

«Весь мир – театр», – сказал Шекспир, и с ним сложно не согласиться. Действительно, наша жизнь очень похожа на спектакль, где мы играем самые разные роли. И правят нами в этой игре чувства, среди которых самое важное – любовь. О нем и пойдет речь в первом действии.

Перед вами сборник, объединивший разные жанры – от мелодрамы до сказки, от драмы до эссе, – и разных авторов, которые попытались исследовать это чувство.

Слово составителю, Екатерине Златорунской: «Любовь ускользает от точного определения. Ее невозможно поймать, как бабочек, одурманить углекислотой, приколоть булавкой и классифицировать с леонардовской точностью – ее вид, род, начало и конец.

Возможно, потому пишутся тексты о любви, составляются сборники, возносятся и разбиваются сердца».

Итак, занавес! Действие первое. О любви.

Содержание

От составителя	7
Надежда Антонова	9
Ольга Антонова	21
Анна Бабина	28
Галина Беседина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Действие первое. О любви

Сост. Е. Златорунская

© Н. Антонова, О. Антонова, А. Бабина и др., тексты.
2026

© Галя Попова, иллюстрация. 2026

© Рассказы. Оформление. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026 Колибри Fiction

* * *

Действие первое

О ЛЮБВИ

Составитель
Екатерина Златорунская

Москва

От составителя

Идея создания сборника рассказов о любви возникла легко и неожиданно, на ноябрьском книжном фестивале в Москве, где я с другими авторами серии «Имена. Российская проза» издательства «Азбука-Аттикус» принимала участие в мероприятии.

После презентации разговорились с Юлией Раутборт, руководителем редакции современной прозы и создателем серии «Имена», о писательских планах на будущее, и я обмолвилась, что написала рассказ о любви. «А давайте мы сделаем сборник рассказов о любви, – предложила Юлия. – Выступите его составителем?» И я, конечно, согласилась.

Это мой первый опыт, и я благодарна всем авторам, доверившим мне тексты о сокровенном, ведь при всей условной избитости темы нет ничего сокровеннее любви.

Восхищение, сопротивление, опровержение, растворение, умирание, избегание, поглощение, уничтожение, принятие, смирение, прощение – все это стадии взаимодействия с любовью.

Авторы сборника исследовали разные грани: платонические, метафорические, физические; разные стадии любовных отношений, любовь семейную, любовь творческую, жажду любви и жажду освобождения от любви, – призывая на помощь юмор, сказку, скептицизм, стойкость.

И все равно любовь ускользает от точного определения. Ее невозможно поймать, как бабочек, одурманить углекислотой, приколоть булавкой и классифицировать с леонардовской точностью – ее вид, род, начало и конец.

Возможно, потому пишутся тексты о любви, составляются сборники, возносятся и разбиваются сердца.

Надежда Кожушаная, гениальный кинодраматург, в киноповести «Бессонница» предлагает понимать любовь как чудо, дарованное Богом человеку:

«Кстати, так давно пора придумать что-нибудь вместо смерти, – сказала Мари, и ей стало тоскливо, скучно. – Уже сто миллионов лет пора, правда. Скучно... – Да ладно, – сказала Маруся и вытерла лицо. – Бог с тобой, – и пошла к тому двору, где рассталась с Бариним. – Вместо смерти ты придумал любовь. Спасибо, мой хороший. Очень странные у тебя придумки. Не очень гениальные».

А все-таки что может быть гениальнее любви?

Этот сборник, с позволения его авторов, я хочу посвятить Надежде Кожушаной, победившей смерть любовью.

Екатерина Златорунская

Надежда Антонова

Писарь

Валера Козырь выматерился, снова попробовал начать, но писать он не умел, так же как и говорить на человеческом. Нет, умел, конечно, но крепко забыл. Досиживал он по статье 111, пункт 1, за причинение тяжкого вреда здоровью, но если учесть, что баба его была с пузом, то еще и за убийство. И вот то неродившееся и вытекшее из нее дите, пусть и чужое (хотя Козырь все-таки думал, что его), было жалко, а ненасытную Светку и тем более палившего ее слизня, которого он сделал овощем, не жалко совсем. Если повернуть назад, он бы снова их исканителил. Ну да ладно, благодарствуем за хлеб-соль, восемь лет не двадцать, еще и режим общий. Сейчас самое время найти заочницу. Он раздобыл адресок, желающих переписываться с арестантами хватает, и вот теперь нужно накалякать письмецо. Козырь думал обратиться к правильному человечку, но пока прикидывал, что да как, попробовал сам. Получилось не очень. Да и вообще, что он, как старая кошелка, нежности из себя выдавливать? Козырь поморщился, нащупал в кармане непечатую пачку курева и решил подкатить к писарю.

Сергей проходил по статьям 158 и 112. После смерти матери долго просил отчима отдать ее вещи, потом напился,

раздобыл фомку, взломал квартиру и попытался вынести все, что помнил с детства: серьги с рубинами, бабкин перстень с бирюзой, давно замолчавшие часы-кулон. Прихватил старые платья с запахом шкафа и духов, шубу из каракуля, черные «лодочки» с блестящими пряжками – нога у матери была маленькая, 36-го размера, поэтому туфли уместились в глубоких карманах зимней куртки. Когда выносил вещи, столкнулся в дверях с вернувшимся материным мужем, сломал ему нос и два ребра. Дома, в доставшейся от деда однушке, Сергей поставил туфли на полку рядом с книгами.

Отчим снял побои, написал заявление в милицию, на суде просил не спускать, всю жизнь с ним мучились: то подерется, то напьется, и наркотики даже пробовал, в отца своего, гнилое семя. Запихнули на филфак, чтобы хоть какое-то образование получил, нормальную профессию не осилил бы, но он и здесь не учился, охранником в банке устроился, мать измордовал. Я ей говорил, что надо с ним жестко, по-мужски разбираться, а она не давала, вставала грудью, не трогай моего ребенка, а мне вот никого не родила, не получилось. Сделайте, чтобы по закону все. Судья пожалела, у самой сын горячий, так что Сергею дали один год общего режима.

Писарем он стал почти сразу. Вечером, когда было свободное время, шел в библиотеку, для вида брал книгу, сидел, уставившись в черные злые буквы. Один раз выпросил у библиотекаря чистые листы и карандаш, начал что-то записывать. Через несколько дней к нему подошел смотрящий,

заглянул в его бумажки, поулыбался и заказал сочинить любовное для жены – в выходные намечалось свидание. Сергей сделал. После этого к нему стали ходить составлять послания заочницам, иногда просили написать стих или текст песни, платили едой и куревом.

Козырь сунул Сергею целую нераспечатанную пачку L&M, подмигнул: «Накалякай хорошо, чтоб у шарочки в трусах помокрело». Сергей взял сигареты, спросил имя. Работал он обычно быстро, используя шаблон, даже любовные стихи делал однотипными, меняя несколько слов и обращение, но сегодня почему-то захотелось по-другому. Он сосредоточился и вывел первое предложение: «Дорогая Валя, хоть Вы меня не знаете, но мне почему-то кажется, что мы с Вами давно знакомы».

Валя повертела в руках сложенный вчетверо тетрадный лист с неаккуратным краем, понюхала. Пахло другой жизнью, которой она не знала. Вале было тридцать шесть лет, она работала товароведом, ездила отдыхать в Египет и Турцию, любила петь в караоке с подругой Тамаркой хиты 90-х. Первый муж Вали спился, второй уехал на север подзаработать, встретил там одноклассницу, позвонил и попросил развод. Попробовать попереписываться с зэком ее надоумила Тамарка, сказав, что везде люди живут, а от тюрьмы да от сумы, как говорится, так что бери бумагу с ручкой и вперед.

После первых двух писем, которые что-то в Вале растре-

вожили, Валерий попросил у нее номер телефона, начали звонить друг другу, отправляли эсэмэс. Валя боялась, что его накажут, но Валерий успокоил: здесь все так, ничего не будет. На первое свидание Валя ехала с чувством, что ее прежняя жизнь раскрошилась, как песочное печенье, а мелкие вездесущие крошки хрустели в заломах памяти. Общались по встроенным в стену телефонам через стеклянную перегородку. Валерий все время смотрел, переводя взгляд с лица на шею и грудь, улыбался, трогал грязными пальцами стекло, кашлял. Валю удивляло, как по-разному он умеет разговаривать: горячо и искренне в письмах, насмешливо-неприлично в эсэмэсках, мусорно и грубовато вживую.

Расписаться решили почти сразу, точнее Козырь решил. Сработал писарь на славу, у шмарочки аж сальце шкворчит от нетерпения, надо брать. Администрация исправительного учреждения против ничего не имела, Валя предоставила свидетельство о разводе, оплатила госпошлину и спустя пять месяцев в сопровождении Тамарки приехала в колонию. Переодевшись в белое газовое платье, Валя поставила подпись в регистрационной книге рядом с подписью Валерия и впервые его поцеловала.

После освобождения Валера Козырь поселился у жены, своего дома у него не было, а со Светкой они жили без штампа, так что претендовать на ее жилплощадь он не мог. Ел Валера строго по расписанию даже в выходные дни, как привык за восемь лет колонии, гостей не любил, курил прямо

в квартире, водку пил стаканами, не морщась и не закусывая, матерился много и витиевато, на работу устраиваться не спешил, успеется, зато свой ночной мужской долг не задерживал, отдавал исправно, и Валя думала, что все это тоже можно назвать счастьем, многие живут хуже.

Родители Вали погибли в автокатастрофе, когда ей было восемь лет. От отца на память остались старая рубашка, наручные часы «Слава» с коричневым циферблатом и серый шерстяной шарф. Материных вещей было больше: в дальнем углу шкафа до сих пор болтались ее ремешки, шейные платки, на антресолях в чемодане лежали ее купальники, очки, фотоальбомы, открытки, письма. Валю воспитывала мама-на сестра, которая переехала к ним сразу же после аварии, оформила опеку, своей семье так и не завела и умерла от сердечной недостаточности шесть лет назад. Других родственников у Вали не было.

Один раз они шли по улице, вдруг Валера остановился и, обращаясь к идущему навстречу парню, сказал: «Ну здравствуй, арестант!» Тот дернулся, потом кивнул и подошел ближе. Валя обратила внимание на его руки: основательные, рабочие, но с хорошо вычищенными ногтями, на большом пальце левой какая-то наколка, похожая на обозначение знака зодиака. Валера обернулся: «Смотри-ка, Валюха, это писарь наш, это он тебе малявы калякал. А ты-то думала, что я». Козырь развеселился, шлепнул жену по задку и пригласил Сергея в гости: побазарим, как пацаны, в литро-

бол сыграем. Сергея встреча не обрадовала, с Козырем он и в тюрьме наобщался, но, с другой стороны, это лучше, чем торчать дома одному. К тому же Валю, хоть она и была старше него, захотелось рассмотреть поближе.

От тетки в наследство Вале досталась небольшая однокомнатная квартира, которую удобно было сдавать. Последнему жильцу что-то не понравилось, и через два месяца он выехал. После работы надо было пойти убраться, проверить, все ли на месте, а потом можно посидеть на свежей проветренной кухне и попить чай. Когда Валя подходила к дому, из первого подъезда вышел Сергей. Валя его сразу узнала, и закоулки ее памяти затопило словами, залило сладким смущением. Она решила не здороваться и побыстрее нырнуть в свой второй подъезд, но Сергей окликнул ее по имени.

Тетка часто говорила, что в человеке должна быть тайна, тогда интересно. В Сергее тайна была. Она чернела его волосами, улыбалась его большим мягким ртом, смотрела его карими, глубоко посаженными глазами, и все это хотелось приручать и разгадывать. Тем вечером кто-то как будто сообщил Вале код от потайной двери, провел темными подворотнями и подтолкнул: «На, открывай!» Не войти туда она не могла.

Они встречались раз в неделю по вечерам после работы. Из банка Сергея уволили, и он устроился на завод, там всегда были нужны свободные руки. Встреч этих Валя не просто ждала – она от них зависела. Один раз свидание сорва-

лось, Сергей свалился с гриппом. Валя говорила ему в трубку прерывающимся шепотом, что обязательно придет, принесет лекарства и разотрет водкой, но он запретил. Валя не спала всю ночь, ближе к утру ее заколотило, она измерила температуру: тридцать восемь и пять. Вызвала врача на дом, никакой симптоматики ОРЗ не обнаружили, но на всякий случай на три дня дали больничный. К вечеру она была здорова.

Валера давно учуял посторонний запах – нет, не то чтобы несло чем-то непривычным, с этим все было в порядке, как обычно воняло куревом, едой (готовила Валька хорошо, только медленно), ну из туалета там естественным напахивало, из шкафа перло ее духами. Тот запах, от которого Валера никак не мог уже месяца три отделаться и от которого шерсть дыбом по всему телу вставала, был не из этого мира и носу просто так не давался. В принципе, за Вальку можно было не беспокоиться, баба она не шибко броская, на шею вешаться никому не будет. Болт его вахту нес исправно, если не каждую ночь, то уж раза четыре в неделю пялил будь здоров. Штамп в паспорте, о котором любая мечтает, поставили, про детей вот она пока молчит, морочится с таблетками, но и это со временем решится, мамкой захочет стать, сама пить их бросит. Кому-то из блатных когда-то дорожку случайно перебежал? Да ну, эти бы уже рассказали, что почем. Козырь мучился, перебирал варианты, убеждался, что опасаться нечего, но, несмотря на все доводы рассудка, внутрен-

не напрягся и встал в стойку.

Разгадка пришла резко и неожиданно. Как-то утром Козырь заметил у Вали на шее слой свежего тональника, подошел, как бы ласково погладил по тому месту, из-под бежевого проступил неровный багровый островок. Оба-на. Валя замерла. Козырь хихикнул, но тут же застыл, как будто окатили ледяной водой из старого алюминиевого таза, а потом надели на голову и постучали сверху. Ну что, чудила, хорошо шаечка на ветвях держится?

Первый удар пришелся по виску и сшиб Валью с ног. Козырь старался бить не сильно, про 111-ю помнил крепко, но как тут удержишься. Волосы у Вали были не очень длинные, но для одного уверенного оборота вокруг ладони хватило. Нет, марамойка, Светке не спустил и тебе, шалаве, не спущу, ты у меня из параша похлебаешь, языком своим там после меня вылизывать станешь. И слизня твоего найду, и ума ему дам такого, что он не то что к чужим, к своим шмарам больше не подойдет, потому что не с чем будет.

Валя очнулась привязанная за руку и за ногу вафельными полотенцами к батарее. Тело болело, хорошо видел только один глаз, второй не хотел открываться. Валя потрогала лицо, нащупала припухлость, там, наверное, гематома, ничего, это пройдет, попыталась ближе подползти к шкафу, поморщилась от резкой боли в привязанной ноге, оперлась на крепкую деревянную дверцу спиной, помогла себе рукой и села. Закружилась голова, затошнило. Плохо, похоже на со-

трясение, у нее когда-то в детстве было, надо лежать. Она аккуратно сползла обратно на пол, закрыла видящий глаз. В ушах шумело, поэтому то, что в квартире она одна, поняла больше по запахам: навевало старым, въевшимся в стены сигаретным дымом, а недавно выкуренным не пахло, не тянуло из кухни разогретой или приготовленной едой. Ел он в одно и то же время, не пропускал, так что давно бы что-нибудь сунул в микроволновку или сварил пельмени, хотя, может, это недолго все длилось, просто ей показалось, что долго. Хорошо бы попробовать освободиться и позвать на помощь, позвонить Сереже и сказать, чтобы забрал ее отсюда, но сил совсем нет. Рядом горячая батарея, а холодно. И в туалет хочется. Валя поежилась, полежала еще немного, обещая себе пересилить слабость и встать, и провалилась в сиротский больной сон.

Сергею было муторно и беспокойно. Валя не отвечала ни на звонки, ни на сообщения. Звонил и писал он обычно в середине рабочего дня, чтобы она могла отойти в подсобку, поговорить без свидетелей, а потом стереть информацию на случай, если Козырю захочется проверить ее телефон. Сегодня, мучаясь этим странным нервяком, он первый раз набрал ей около десяти утра. Сейчас было уже три часа дня, а она молчала.

Вообще, ситуация Сергею не нравилась с самого начала, поскольку наставлять рога он считал неправильным. Несколько раз он уже хотел поговорить с Валерой, объяс-

нить, повиниться, если надо, а потом намекнуть, что неплохо бы разойтись по-хорошему, ведь понятно же, кого в конце концов выбрала их женщина, а его, Валеру Козыря, она просто боится, о чем сама и сказала однажды, назвав мужа бестормозным и диким. Но Валя просила подождать.

Через час, кое-как отпросившись у начальника смены, Сергей сел в пыльную помятую маршрутку, вышел у Валиного дома, немного постоял, пытаясь вспомнить номер квартиры и шаря по кнопкам кодового замка (вдруг угадает продавленные), а потом вместе с какой-то девушкой зашел в подъезд.

Козырь грубо, с напором вставил ключ в замочную скважину, резко провернул и толкнул дверь. В квартире было тихо, интересно, как она там. Привязал он ее вроде крепко, но мало ли. Из большой комнаты слышался полускрип-полуплач, ты смотри, очухалась, курва, надо было в маленькой ее запереть, оттуда не так слышно. Вообще, хорошо бы пойти посмотреть, но лучше не надо, а то он раскипятится опять, так и вальнуть ее недолго. Пусть пока лежит, она живучая, бабы все такие, уж он Светку тогда приложил, и ничего, дите выкинула, правда, но оно и понятно. Козырь плотно закрыл дверь в зал, прошел на кухню, не глядя включил чайник, эх, жрать охота, обед пропустил. Залез в холодильник, достал миску с недоеденным салатом, ополовиненную упаковку колбасной нарезки, порыскал за шкафом, выудил припрятанную водку, открутил, пивнул прямо из горла, по-

том еще раз, вздрогнул от удовольствия, сунул три колбасных кружка в рот. В дверь позвонили. Козырь громко выматерился, но пошел открывать. Сейчас лучше не нарываться, это точно курьер какой-нибудь, дверью ошибся. Ну а даже если и соседи, сказать им, что, мол, извините за шум, у нас все в порядке, а Валька животом мается, вот и стонет.

Когда Сергей зашел в квартиру, его вдруг затошнило. Козырь удивился, спросил, кто его пустил в подъезд, там же замок кодовый, затрясся в смехе, пригласил на кухню, сказал, что в комнате Валюха отдыхает, посрались с ней маленько утром и помирились уже, она там сейчас прилегла. Козырь достал стаканы, налил, пей, братан, раньше выпьем, раньше окосеем. Сергей отметил, что разговаривает Валера преувеличенно громко, а на щеке и на руке у него несколько свежих царапин.

Где-то постучали по батарее, Козырь напрягся, потом махнул рукой: «Да соседи, барабашки двинутые, все им там неймется, типа, мы тут громко». Сергей промолчал, с трудом влил в себя из своего стакана, прислушался. Козырь стал рассказывать про их общих знакомых, кто откинулся, кто мотает еще, один по помиловке освободился. Вдруг из комнаты послышался шум, потом то ли завывли, то ли заплакали. Сергей вскочил со стула и чуть не снял с петель межкомнатную дверь. Увидев его, Валя заскулила, задержалась, запричитала: «Сереженька, мне холодно, Сереженька мой».

Козырь сидел за столом, как будто ссаньем из парашаи об-

литый. Вот оно что, а ведь верил ему, гондону, это ж надо было так повестись. Куда ни ткни, одни крысы кругом. Он взял из сушки нож, тот, который побольше, с коричневой ручкой, и вышел из кухни в коридор.

Сергей быстро начал развязывать полотенца, смотрел то на Валин заплывший глаз, то на лиловеющие синяки на ее животе из-под порванной задравшейся футболки, вспомнил, как первый раз увидел кровоподтеки на материных ногах и руках и как она ему соврала про то, что упала, отвыкла на каблуках ходить. Ничего, мама, ничего, заживет. Хребтом он почувствовал, что сзади кто-то стоит, опасный и неизбежный, как вставшая в стойку королевская кобра, черный и ненавидимый, как повторяющийся детский кошмар. Сергей резко развернулся, перехватил руку с ножом, с силой ударил в солнечное сплетение. Козырь задохнулся, сложился пополам, осел, стальное лезвие звякнуло об пол, нож улетел под диван. Сергей саданул Валеру ногой в бок, потом в голову, а дальше бил куда придется, долго, оглушительно, изнуряюще, не по понятиям, и уже не только лежащего, но и давно затихшего, обезвреженного, неживого.

На суде во время речи в свою защиту Сергей попросил у Вали прощения и запретил его ждать. Через две недели, когда стал известен адрес колонии, она написала ему первое письмо.

Ольга Антонова

Букашки

Срок годности этого мира подходил к концу, и Аркадию было жаль, что он не успел самого главного. Ощущение приближающегося финала возникало у него и раньше, однако каждый раз проносило, но сейчас все выглядело куда хуже.

Аркадий вместе с другими пассажирами ехал по Садовому в автобусе «Б», который уже никак не вязался с милым прозвищем «букашка». Скорее, со словами, начинающимися с убийственной приставки «без» – «безнадежность», «безысходность», «безвыходность». Лица в масках, руки в перчатках – им всем постепенно ампутировали связи с миром, убрав уже три из пяти возможных. Зрение и слух еще оставались, но вот надолго ли? Через каждые две остановки пассажирам напоминали о необходимости носить маски и перчатки, угрожали штрафами, потом вдруг певец из 90-х пугающе жизнерадостным голосом поздравил всех с Новым годом. Никто не высказывал ни малейшего удивления, хотя на дворе был конец января. Люди как будто не замечали усиления хаоса, – еще одно свидетельство того, что время кончалось и мелкие детали уже не имели значения.

Аркадий смотрел из окна автобуса на тротуары с серой кашей подтаявшего снега и думал, что вот и жизнь так – под-

кидывает день за днем реагентов, и все настоящее тает. Такие здесь правила.

В начале была мама. Когда она ушла, детство Аркаши обрывалось, и мир стал расползаться по швам. Ему было всего сорок два. Для художника не возраст, он только перешел из категории «начинающий» в разряд «подающий надежды». Мама была солнцем, вокруг которого крутилась Аркашина земля. Без нее он сошел с орбиты, потерялся в холодной Вселенной.

Иссякло вдохновение, не было сил на творчество и уж тем паче на то, чтобы пристраивать его плоды на выставки, салоны и вернисажи. Денежные запасы таяли на глазах. И сам Аркадий исчезал, истончался, сходил на нет и сгинул бы окончательно, если бы не Фома. Низколобый устойчивый крепыш, перенесенный в Москву из Магадана каким-то неведомым торнадо судьбы, Фома прибрал к своим татуированным рукам две квартиры и чердак на последнем этаже их элитной сталинки. Уже через пару месяцев захваченные территории были превращены им в единый бункер с хитрыми перепланировками внутри и возведенными вовне крепостными стенами. Такого делать сейчас никому не разрешали, но Фому запреты не трогали. Он поднялся и выжил в 90-е и в знак благодарности уже тридцать лет повсюду возил их с собой.

К соседу снизу Аркадию Фома отчего-то сразу проник-

ся. Ласково называл его «кашкой-букашкой», старался при нем не материться, разрешал использовать стены в подъезде под монументальные эскизники, быстро погасив недовольство соседей. А главное, поняв, что плоды творчества Аркадия с трудом поддаются монетизации, взял на себя роль его агента. Аркадий ужасно стеснялся, но, когда становилось совсем уж нечего жрать, выуживал из помещенных в кладовку старых работ очередной холст с глазами-ушами-хвостами, переплетенными в причудливом танце (Аркадий тяготел к абстракционизму) и шел на пятый этаж.

– Сможешь продать, Фома?

Фома брал картину в руки, некоторое время всматривался в нее с прищуром профессионального арт-дилера и, выдержав драматическую паузу, изрекал:

– У меня люди заводы с миллионными долгами покупали. Плакали, но покупали. Сколько ты хочешь, Каш?

Аркадий цену никогда не ломил. Фома сразу же давал аванс. Так художнику можно было жить. И рисовать. Но не создавать бессмертные шедевры – для такого размаха не доставало света.

Это понимал даже Фома. И в редкие минуты откровенности проводил с Аркадием воспитательные беседы:

– Ох, Букашка... Тебе женщина нужна хорошая. Я бы помог, друг, но у меня таких нет. У меня только бабы и эти... шкуры, короче.

И, видимо, чтобы загладить свою вину, Фома делился с

Аркадием тем, что есть. Помощь по хозяйству от домработницы бизнесмена, Киры Григорьевны, проходившей по категории «бабы», Аркадий с благодарностью принимал. Встречами с представительницами другой профессии, на которые Фома любезно его зазывал, Аркадий манкировал. Он знал, что идет в нагрузку к богатому брутальному соседу, как гречка к сервелату в наборах, которые в советском детстве приносила домой мама. Это сейчас гречка – королева ЗОЖ, а сервелат – «фу», но на восстановление справедливости ушли десятилетия. У Аркадия не было времени ждать: срок годности этого мира подходил к концу.

Каждое утро Аркадий выходил в подъезд на эскизы, набрасывая на стене между четвертым и пятым этажами свою «Сикстинскую капеллу», свою «Гернику», свои фрески Ад-жанты, но никак не мог попасть в нерв. Выходило тускло, кисло, безжизненно, и вечером Аркадий с досадой смывал нарисованное. Надежда гасла, а он постепенно смирялся с мыслью, что в этой жизни уже не успеет сделать главного.

Автобус «Б» приближался к Кудринской площади, Аркадий начал протискиваться к выходу заблаговременно.

– Выходите на следующей? – спросил он, наклонившись к уху женщины в вязаной синей шапке.

– Да.

Отвечая, шапка обернулась, подняла на него глаза, и Аркадий провалился в их голубую бездну. В этом продолжавшемся несколько секунд падении он неожиданно увидел то,

что так долго искал.

Они вышли на остановке и разошлись в разные стороны, так и не узнав друг друга. Автобус «Б» закрыл двери и отправился дальше наматывать круг за кругом.

Тот, кто все это когда-то затеял, крикнул с досады и отвернулся. Имеющие уши – даже они его давно уже не слышат. Пора перестать надеяться, пора возвращаться к другим делам. Дел было много, срок годности этого мира заканчивался, надо было подчищать хвосты.

А там, внизу, женщина в вязаной шапке вдруг остановилась и обернулась, провожая взглядом сутулую спину художника до каменного нутра домово́й арки.

Аркадий спешил. Он взлетел на свой этаж, схватил ящик с кистями и красками, выскочил из квартиры и бросился к стене. Улова из шапкиных глаз хватило приблизительно на половину квадратного метра, но из этой небольшой площади лилась жизнь, шел свет, в ней пульсировал нерв.

А дальше не шло.

Расставаться с собственным творением всегда тяжело. Тот, кто все это когда-то затеял, знал об этом не понаслышке. Сколько раз он попадал в тиски малодушия, не находя в себе мужества на финальный шаг. Но дальше тянуть было нельзя, проект себя изжил. От него веяло безнадежностью, безысходностью, безбожностью. Пора, пора закрывать эту лавочку. Отпустить и проститься навсегда.

Жалко было только букашек. Пока ученые пытались под-

считать их количество и ломали голову, почему каждый пятый вид живых существ на планете Земля относится к отряду жесткокрылых, он только посмеивался. Букашки были его слабостью, в них идеальным образом сочетались теория эволюции и божественный замысел. Они жили в соответствии с заложенным природой механизмом: ползали, летали, размножались, делали свою работу и ничего не усложняли. В отличие от людей, от которых он ждал только одного и никак не мог понять, почему им так тяжело это дается.

Тот, кто все это когда-то затеял, скользнул прощальным рассеянным взглядом по разбросанному внизу калейдоскопу, и в поле его зрения попала божья коровка. Она сидела на залитом солнцем поле, расправив крылья. Готовилась взлететь, но отчего-то медлила... Ах, она была нарисована!

И снова эти двое. Она застыла на ступеньках лестницы в подъезде. Нелепая синяя шапка на голове и бездонные колодцы вместо глаз. Он черпал из этих колодцев, переносил увиденное кистью на стену. Стена оживала и реанимировала умирающий мир. Щедро и бессовестно отпаивала его живой водой. Вопреки всему. Споря с волей того, кто все это когда-то затеял, заставив его опешить от такой дерзости. Опешить и растеряться. Как так? Ведь все окончательно решено. К чему эти поднимающиеся снизу лучи, от света которых ему приходится жмуриться?

Тот, кто все это когда-то затеял, замер в тепле этих лучей, оттягивая момент принятия окончательного решения.

Потом вздохнул, выругался и наклеил стикер с новым сроком годности поверх предыдущего. Этот нехитрый трюк он подсмотрел у продавцов супермаркетов. Прием, безусловно, сомнительный, но, как оказалось, вполне рабочий.

Букашки. Только на них и держался этот давно просроченный мир.

И пока маленькие ползают, а большие любят друг друга, он будет переклеивать стикер.

Такие здесь правила.

Ведь он их сам когда-то и придумал.

Анна Бабина

Шанежка

Он повертел в руках скрипучую пластиковую упаковку. К счастью, торт не помялся, когда машина резко затормозила, потому что одному идиоту взбрело в голову нестись через дорогу возле Горного института.

Торт был такой, как любит мама – большой, круглый, словно шляпная коробка, с вензелями и кипенным кружевом взбитых сливок. Иногда ему казалось, что такие торты не ест уже никто, кроме них, Ковалевых, но мама даже смотреть не хотела в сторону модных тирамису и чизкейков. Хорошо хоть, что обходится без масляного крема. Перед его мысленным взором тотчас замельтешили пышные жирные розы – он их терпеть не мог, после куска такого торта его несколько часов подташнивало, как после поездки в автобусе, зато мама с удовольствием слизывала жирный крем с серебряной фамильной ложечки.

Он улыбнулся своим мыслям и поставил машину на сигнализацию.

Путь его лежал через тихий зеленый дворик. В старой части Васильевского таких почти не встретишь, зато здесь, ближе к Гавани, полно. Он посмотрел на новенький детский городок, на его разноцветные переходы, лесенки и горки и

невольню представил эту площадку такой, какой она была лет тридцать назад: массивные пустые вазоны, скрипучие качели в чешуйках ржавчины да скучная серая горка в форме слона. На этом бетонном слоне ежедневно кто-нибудь разбивал нос. Однажды пришла и его очередь; он отчетливо помнил, как бежал к дому, оставляя за собой пунктирный красный след на снегу. Было не больно, скорее обидно, и кровь казалась похожей на клюквенный морс.

Вот и парадная. Когда, интересно, убрали скамейку? Была она в прошлый раз, когда он приезжал к родителям, или нет? Кажется, была. Вот и куст сирени еще не успел выровняться, растет в стороны, как будто обходя невидимое препятствие.

Когда-то на этой скамейке любили сидеть три бабушки. Он всегда с ними здоровался, а они в ответ смешно кивали разноцветными головами. Всех их звали Нинами, поэтому различали по отчествам – одна была Кузьминична, вторая Игнатьевна, а третья... фу ты, черт, забыл. Он подумал вдруг, что этим Нинам, должно быть, тогда было немногим больше, чем его матери сейчас, но выглядели они гораздо старше. Из-за платков, наверное. Маму не заставишь надеть платок. Даже когда она заговаривает о смерти (терпеть не может он эти разговоры), просит, чтобы ее хоронили в чепце... Да разве в платках дело? Ведь им, этим Нинам, лет двадцать было, когда война началась. Вот и постарели рано. И ушли – рано.

Пока он рылся в борсетке в поисках ключей (и куда они

все время деваются?), домофон пронзительно запищал, и дверь распахнулась, выпуская парочку – женщину с сыном на роликовых коньках.

В парадной всегда прохлада и полумрак. Он взглянул на узкий лестничный пролет и вспомнил, что к соседям с третьего этажа, Рабиновым, пианино поднимали на тросах и грузили через окно. Интересно, куда оно делось, это пианино, когда Рабиновы уехали в Хайфу? Сейчас в их бывшей квартире живет бизнесмен с молодой женой и дочерью. Им пианино явно не нужно, они любят горные лыжи и дайвинг. Неужели оно до сих пор стоит там, в квартире, запертое, как пленник? Или, может быть, его разобрали на части и вынесли на помойку? Он усмехнулся. И что за мысли лезут в голову?

Он по привычке заглянул в почтовый ящик. Видимо, отец вчера выгреб все газеты и рекламные проспекты – на дне ящика сиротливо лежал один-единственный конверт. «Ковалеву А. А.» – прочитал он и усмехнулся. Кто на этот раз решил написать отцу? Армейский приятель из Батайска? Тетя Надя из Зеленограда? Обратного адреса не было.

Вдруг что-то царапнуло едва заметно, как крошечная заноза. Почерк показался знакомым. Ведь он тоже Ковалев А. А. – Александр Андреевич. Может быть, письмо адресовано ему? Ведь он тоже здесь жил когда-то... Что за ерунда! Кто в наше время станет писать бумажные письма?

Он еще раз взглянул на конверт. До чего же знакомый

почерк! И совсем не похож на аккуратные «чертежные» буквы тети Нади. Буква «К» единственная ровно стояла на строчке, остальные прыгали туда-сюда... Он вдруг вспомнил и эту крупную «К», и веселые разнокалиберные буквы. Сколько неприятностей доставляли они ей в начальной школе! Вот она сидит рядом, низко склонившись к парте. Не высовывает кончик языка, когда пишет, как многие девчонки из класса, но от сосредоточенности у нее странно каменеет лицо, становится совсем неживым, как у бюста Ильича в холле первого этажа. Она пишет, старается, но все равно получается неаккуратно...

Он торопливо разорвал конверт. «Милый Шанежка!» У него вдруг защипало в носу. Так вот как это бывает! Стук из прошлого. Шанежка – так она его называла. Ее родители приехали в Ленинград откуда-то с Урала, и мама по воскресеньям пекла шанежки – вкусные круглые ватрушки с картошкой и творогом. «Шанежка, пошли шанежки хавать», – заливисто смеялась она, показывая щербинку между передними зубами.

Он поставил торт на почтовые ящики и развернул письмо. Оно было совсем небольшое, и буквы разбегались в стороны куда больше обычного.

Почему – сейчас?

«Милый Шанежка! – писала она. – Сейчас, когда ты читаешь это письмо, я, возможно, лечу над Атлантикой, или

еду через пустыню, или лежу на диване в своем доме где-то в городке... назовем его Спрингфилд. Я не вернусь в Питер. Я так решила. Я вышла замуж за хорошего человека и больше никогда не стану ворошить прошлое. Мамы нет уже пять с лишним лет, поэтому с городом меня ничего не связывает. Комнату на Весельной я продала милому молодому архитектору. Со мной нет ничего – ни фотографий, ни писем, ни книг. Это было мое решение. Я решила ничего не брать в новую жизнь...»

– Привет!

Она сидела на скамейке и читала книгу. Читала! Сама! Про себя! Это было удивительно. Она подняла на него янтарные глаза – он ни у кого не видел таких глаз ни до, ни после – и со старушечьим вздохом (разумеется, он ей помещал) ответила:

– Ну привет, коли не шутишь...

– Как тебя зовут?

– Елизавета, – она улыбнулась уголком рта. – А тебя?

– Санечка, – хотел сказать он, но накануне у него вывалился еще один зуб, и вышло что-то вроде «Шанефка».

– Шанежка? – Лиза расхохоталась. – Это же пирожок!

– Сама ты пирофок. Шанефкой меня все называют. А так я – Алекфандр. А про что книфка?

– Про любовь, – важно сказала Лиза. – «Два капитана» называется. Хочешь, дам почитать?

– Я не умею. – Ему стало стыдно.

– Это ничего. Я тоже не умела, а за лето научилась. Со мной бабушка занималась.

– У меня тофе есть бабуфка, она с нами фывет.

– Это здорово. Я очень люблю бабушку. При ней мама с папой никогда не ругаются... – И, словно испугавшись своей откровенности, Лиза замолчала.

Они сидели рядом. Лиза то открывала, то закрывала книгу.

– А хофеф... – сказал он, – я подарю тебе кремень от фифыгалки?

Совершенно мистическим образом они попали в один класс и оказались за одной партой. Он всегда рос быстрее одноклассников, но из-за близорукости учителя сажали его за первую парту. Лиза же, наоборот, тянулась вверх медленно, словно нехотя, и ее было почти не видно из-за крышки парты. Что, впрочем, не мешало ей быть круглой отличницей. Если бы не она – смелая, находчивая, за словом в карман не полезет, – ему бы, наверное, пришлось несладко. В детстве за ним закрепилась репутация недотепы и неудачника. Мама с папой, для которых он стал поздним и долгожданным ребенком, тряслись над ним и решали все его проблемы – таких не любят ни в детстве, ни после. Лиза изменила его. С ее подачи он научился давать сдачи, играть в футбол и прыгать с крыши одноэтажного флигеля в сугроб. Неудивительно, что

его родители сразу невзлюбили «эту девушку».

«...Я пишу только тебе, потому что хочу сказать огромное спасибо за все то, что ты делал для меня. За то, что был рядом. Тебе казалось, что я избавляю тебя от одиночества? Это ты избавлял от одиночества меня...»

К пятнадцати годам все одноклассники разбились на пары и, не стесняясь учителей, целовались и обнимались на подоконниках. Только они с Лизой оставались одиночками, хоть и ходили всюду вместе, бегали на залив, ездили в Комарово. Он не решался даже взять ее за руку.

Однажды Лиза пришла на встречу расстроенная, но рассказывать ни о чем не захотела. Это была ее характерная черта: она всегда молчала до последнего, сверкая глазами.

Он чувствовал, что ей плохо, но поделать ничего не мог. Не найдя ничего лучше, он повел ее в арку-провал – их секретное местечко на Тринадцатой линии. Они зашли в подворотню, сделали несколько шагов, и вдруг над их головами открылось стильное октябрьское небо.

– Ты ведь меня не оставишь? – вдруг спросила Лиза. Нижняя губа у нее подрагивала, но глаза оставались сухими.

– Никогда, – пообещал он.

Соврал, разумеется...

«...Ты – лучшее, что случилось со мной в жизни. Из всего

того, что было, я хочу оставить только тебя. Я не знаю, что будет завтра, послезавтра, через месяц. Просто хочу, чтобы ты был со мной. Хотя бы так...»

На праздник, посвященный его шестнадцатилетию, Лиза не пришла – сказала больно́й. За столом сидели школьные приятели, которых он обрел благодаря ей. Они принесли пиво и украдкой потягивали его на застекленном балконе. Ему было неуютно. Хотелось стукнуть кулаком по столу и уйти в метельную темень.

В половине одиннадцатого, когда приятели разошлись, а родители вернулись из театра, раздался телефонный звонок. Трубку взял отец.

– Тебя, – недовольно буркнул он, и стало понятно, что звонит Лиза.

Он не узнал ее голос – влажный, хриплый, далекий:

– Шанежка, с днем рождения, дорогой! Через полчаса в арке-провале. Жду.

– Она с ума сошла! Шалава! – Увидев, что он шнурует ботинки, мама взорвалась. – Андрей, скажи ему! Куда он пойдет? Ночь на дворе! Гопота вся вышла! Холодина! Метель! Да и что это за штучки? Она свистнет, и ты побежишь?!

– Мама, она мой единственный друг, – тихо, но твердо сказал он. – Что-то случилось, иначе она бы никогда...

– Друг? А кого ты сегодня приглашал тогда?

Мама выглядела уже не злой, а растерянной.

– Ольга, он взрослый мужчина. Подумай о ней – стала бы она выходить в ночи одна. Может, действительно что-то случилось. Ты же сама говорила, у них там вроде не все в порядке, у ее родителей...

Навстречу ему из арки-провала метнулась крошечная дрожащая тень.

– Шанежка, прости меня, я не хотела в твой день рождения... но... Шанежка, папа ушел. Представляешь? Собрал чемодан – и ушел. Мама полбутылки уже выпила... Шанежка... – И она разрыдалась.

Он неловко обнял ее (да что там, схватил поперек тела и просто прижал к себе).

– Лиза, Лиза, что ты, перестань...

Он вдруг увидел, что куртка у нее надета прямо на футболку, а на ногах легкие кроссовки.

– Пойдем к нам, Лиза. Пойдем.

– Твои родители меня не любят.

– Это не важно, – твердо сказал он, – зато я люблю.

«...Я не претендую на то, чтобы быть с тобой. У тебя семья, дети. Я была одна и буду одна всегда, даже сейчас. Мне просто важно знать, что где-то на другом конце земли есть ты, Шанежка. Милый мой человек...»

С той ночи, когда мама, недовольно поджав губы, постелила ему на полу, а Лизе – на его софе, многое перемени-

лось. Они по-прежнему не держались за руки, но Лиза стала с ним какой-то близкой и мягкой, совсем не такой, как раньше. Он и раньше подозревал, что на самом деле она другая. Эти перемены неожиданно испугали и расстроили его.

Лиза, его волевой и храбрый товарищ, стала обидчивой и слезливой, несла всякие сентиментальные глупости, требовала поцелуев и внимания... Аккуратно целуя ее в растрескавшиеся ненакрашенные губы, он ощущал только робость и волнение – почти неприятное.

Встречи с Лизой тяготили, он научился врать и выкручиваться. Однажды прямо посреди разговора она, нервно заправив за ухо прядь волос, встала со скамейки и сказала ему: – Не стоит тебе встречаться со мной, Шанежка. Счастья я не принесу, – и быстро ушла.

Он не стал догонять ее...

«...Не стоит искать меня. Я всегда приносила тебе одни лишь неприятности. Ты очень хороший, Шанежка. Очень. Я не знаю, что стало бы со мной, если бы не ты...»

Придя после лета в выпускной класс, он узнал, что Лиза забрала документы и поступила в техникум. Чувствуя невольную вину, позвонил ей. Лизина мать заплетающимся языком сообщила, что дочь куда-то переехала. Адреса она не знала или не захотела говорить. Никто не слышал о Лизе ничего – ни хорошего, ни плохого. Он прекратил поиски с

почти чистой совестью. Честно говоря, он не представлял, что скажет Лизе, если встретит ее на улице.

После школы он поступил в Бауманку и с облегчением уехал из Питера.

«...Ты всегда появлялся в самые тяжелые моменты моей жизни. Не появился только сейчас, и я сочла это знаком. Значит, так нужно. Значит, все...»

Прошло почти десять лет. Он женился, через год появился Славка, еще через два – Алиса. События сыпались, как фигурки в «тетрисе», он только успевал складывать. Однажды на новогодние каникулы они приехали к родителям. Жена отправила его за детским питанием.

Он с удовольствием вышел в морозную мглу: за три дня все они успели порядком надоесть друг к другу. Марина ладил с матерью только на расстоянии, да и сам он отвык от родительских поучений.

Постновогодний город выглядел апокалиптически: ветер нес по Среднегаванскому мусор, отяжелевшие от праздников горожане почти не появлялись на улице. Он не узнавал знакомые места и едва не заблудился.

Зашел в магазин, отряхнул с ботинок серый снег и зашагал к стеллажам с нарядными баночками. Неожиданно ему расхотелось уходить из теплого магазинного нутра, но это странное ощущение отпустило так же быстро, как возникло.

Он взял несколько жестяных цилиндриков и понес к кассе.

– Пакет нужен? – Кассирша подняла отяжелевшую от недосыпа голову.

Он ни за что не узнал бы ее, если бы не глаза – темный янтарь в золоте.

– Шанежка...

Он уловил свое имя в движении ее сухих бескровных губ. У нее по-детски задрожал подбородок. Янтарь оплавился, капелька смолы повисла на ресницах.

– Маша, пятнадцать минут, – умоляюще крикнула она куда-то в подсобку.

Голос он тоже не узнавал.

– Шанежка, мама умерла, – прошептала она и задрожала всем телом, как тогда ночью в арке-провале.

– Лиза, я...

– Я понимаю. Видела, что ты купил. Я очень рада, Шанежка, правда. Очень рада...

– Лиза, как ты?

– Я хорошо, Шанежка. Давай не будем обо мне. Расскажи о себе.

Он что-то говорил, наверное. Точно не молчал. Они стояли в подворотне, прячась от ветра и поземки. Лиза курила, кутаясь в тонкую жилетку с эмблемой магазина. Он снял финский красный пуховик и накинул ей на плечи. Она слабо возразила, но тотчас принялась наглаживать блестящий рукав сухой бледной ладошкой. Он знал, что завтра сляжет с

температурой. Он заболел от любого сквозняка, как в детстве, но ему было все равно.

«...Я заканчиваю, Шанежка. И так слишком много получилось. Надеюсь, ты счастлив. Я тоже постараюсь. Л.»

Засвистел чайник. Мама взглянула на торт и расплылась в улыбке:

– Самый дорогой небось взял, Санечка. Сейчас снимем пробу...

– Саш, а ты ящик не проверил? Нам квиток за газ должен прийти, что-то нет уже вторую неделю, – крикнул из ванной папа.

Он стоял, широко расставив ноги, и бережно, как ребенка, мыл под струей воды огромный темно-зеленый арбуз.

– В ящике ничего не было, – ответил он и отвел глаза.

– Ребзя, вы не представляете, как я рада. – Лена Рабинова бодро вскочила из-за стола, но покачнулась и со смехом схватилась за плечо Вовы Шутова. Она явно перестаралась с вином.

– А мы-то как рады, – крикнул Сережа Ячменный, поднимая бокал. – Давайте выпьем за Лену, которая прилетела к нам с теплого Красного моря в зимнюю стужу!

– Хайфа на Средиземном, дурачок, – кокетливо засмеялась Лида Лединская. – Что тебе ВерВанна по географии ста-

вила?

– Пять! Она всем, кроме Батухтина, ставила пять! А он однажды спросил, почему статья про промышленность Тольятти находится в разделе «География России»!

Грохнул смех.

– Эй, Санек, пошли покурим, – потянул его за рукав Пятачок, Леня Пятаев – маленький розовощекий мужичок, с которым они когда-то неплохо ладили.

– Я не курю.

– Пошли, говорю. Тебе еще не надоела эта ярмарка тщеславия?

Они вышли на крыльцо и закурили. Дул холодный ветер, снег крутился, обтекая столбы, как вода в половодье. Некстати вспомнилась последняя встреча с Лизой. Пятачок, будто прочитав его мысли, спросил:

– Ты про Лизу знаешь?

– Да, знаю. Еще одна эмигрантка...

– Циничный ты стал.

– В смысле? В Америке ей, наверное, неплохо живется.

Пятачок как-то странно посмотрел на него, потом взял под руку.

– Сань, ты ничего не знаешь, да?

– Знаю. Лиза вышла замуж за американца и уехала. Все.

– Сань, я не знаю, откуда ты это взял, но... У меня тесть в Песочном работает, в больнице. Я ему документы как-то отвозил, иду... и вдруг окликает меня кто-то. Я даже не узнал

ее, Сань... Глаза только ее, остальное – чужое... Четвертая стадия, Сань. Это все. Финиш. Она просила тебе не говорить, но я подумал... Ты как, Сань?..

«Р. S.: письма, конечно, доходят и без индекса, но мне приятно, что я помню твой. 199106. В 1991 –м мы познакомились, а 06 – июнь, месяц моего рождения. Я все помню, Шанежка, милый мой человек...»

Галина Беседина

Жизни – да

В доме пустота, тишина, куры ходят.

Яблоки какие-то шевелятся: одни горькие, другие – такие. Все ж по уму было посажено, одни падать начали, другие – созреть.

Думал, что Надя со мной будет. А у Нади срочный звонок – какой-то профессорше нужно зуб немедленно лечить, а профессорше уезжать. Ей на конференцию, а через два дня Наде в Ульяновск на поезде.

– Толь, ну ты не пыхти, я совсем не могу отказать, ну никак не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.